

Пока врачи отчаянно боролись за жизнь Е Синланя, двое юношей уже покинули больницу.

В самом здании они пробыли недолго, куда больше времени у них отняло общение с прессой.

Вновь оказавшись перед объективами камер, Лу Чжао тяжело вздохнул:

— Наш разговор с господином Е сложно назвать приятным.

Неприятным? Журналисты мгновенно почуяли сенсацию.

Репортеры оживились, и Лу Чжао не заставил их ждать. Он продолжил, слегка поджав губы:

— Господин Е пригласил меня сюда в надежде убедить отозвать иск. Но, как вы понимаете, идти на компромисс я не намерен.

— Господин Лу-младший, — кто-то из толпы репортеров удивленно охнул, а кто-то сразу ухватился за суть, — значит, вы расстались врагами?

Лу Чжао ответил обтекаемо:

— Я показал ему некоторые улики, не подпадающие под соглашение о неразглашении. Ознакомившись с ними, господин Е отказался верить очевидному и сильно разволновался. Разумеется, наша беседа проходила под контролем медицинского персонала, и перед тем как показать документы, мы уладили все необходимые формальности.

Формулировки были расплывчатыми, но подтекст угадывался безошибочно. Раз уж Лу Чжао так рьяно снимал с себя и своего спутника любую ответственность, значит, омега не просто «разволновался», а пострадал физически.

Что именно произошло? Журналисты попытались выведать подробности, но тщетно. Они немного разочаровались, но отнеслись к этому с пониманием: закон есть закон, «Положение о защите беременных Бет и Омега» чтут все.

Впрочем, не беда. Достаточно обронить в статье пару намеков, а воображение читателей само дорисует леденящие душу детали. Такой прием порой работает даже лучше сухих фактов.

Как только юноши сели в флайер, репортеры с чувством выполненного долга разошлись.

Пока в редакциях вовсю закипала работа над очередными сенсационными материалами по делу отца и сына Лу, Е Синлань все еще лежал на операционном столе.

Состояние его было критическим. С одной стороны, буря эмоций, как и предполагал Лу Чжао, спровоцировала опасный сбой в организме. С другой — он уже несколько дней не получал феромонов пометившего его альфы.

В теории Лу Чжао и Цэнь Ян об этом знали. Но откуда первокурсникам, никогда не имевшим дела с беременными омегами, было понять, что Е Синлань уже находился на грани и отчаянно нуждался в успокаивающих феромонах Лу Шэна?

Медики среагировали мгновенно, но столкнулись с непредвиденным препятствием.

— Синтетические феромоны готовы! Подтверждаете введение?

— Подтверждаю.

— Есть контакт. Отлично, концентрация его собственных феромонов поползла вниз... Погодите, почему она снова растет, да еще так быстро?

Будь Лу Шэн на месте, врачи бы облачили его в стерильный защитный костюм и пустили в реанимацию к Е Синланю. Однако Лу Шэн находился под стражей. С момента его ареста прошло слишком мало времени; центральная полиция, занятая поимкой преступников, хоть и подписала разрешение на забор его крови для синтеза феромонов, но бюрократическая машина двигалась медленно.

А значит, у больницы не было доступа к феромонам альфы, оставившего метку.

Что касается упомянутых синтетических феромонов, они были чисто лабораторным продуктом. Достаточно безопасным, прошедшим клинические испытания. В случаях, когда меченого альфы не оказывалось рядом, этот суррогат действительно спасал жизни. Но поскольку искусственное вещество не могло полностью слиться с уникальной энергетикой омеги, польза от него была минимальной — крайняя мера на самый худой конец.

И все же, по опыту врачей, даже такой суррогат должен был действовать хотя бы минут пятнадцать-двадцать.

То, что организм Е Синланя мгновенно отверг препарат, выходило за рамки нормы. Причина крылась в ином:

— Это плод! Синтетические феромоны вызвали реакцию отторжения у плода! У пациента открылось кровотечение!

В операционной воцарился хаос. Писк приборов сливался с монотонным голосом искусственного интеллекта, просчитывающего варианты лечения, и тревожными выкриками хирургов.

Посреди этого безумия Е Синлань пришел в себя. Мысли путались, он не сразу сообразил, где находится, пока его не пронзила невыносимая вспышка боли внизу живота.

Как же больно! Боже, откуда эта мука?!

Лицо Е Синланя мгновенно побелело. В угасающем сознании билась одна-единственная отчетливая мысль:

"Мой ребенок... Живот разрывает от боли. Что с моим ребенком?!"

Не успел он прийти в себя, как над ним склонились врачи. Лицо ведущего хирурга было суровым и сосредоточенным.

— Господин Е, в графе экстренных контактов указан ваш супруг, но мы не можем до него дозвониться. Назовите, пожалуйста, контакты ваших родителей.

Родители... Контакты родителей?

Е Синлань тупо смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Заметив его заторможенность, медики переглянулись. Глава бригады тихо произнес:

— Если ситуация критическая, я сам подпишу согласие на операцию.

— Но доктор, нельзя! — тут же возразил ассистент. — Ответственность слишком велика, давайте сначала спросим...

Договорить он не успел — Е Синлань подал голос.

Вместо того чтобы продиктовать цифры, он едва слышно прошептал:

— Что со мной? — он запнулся. — Мой ребенок...

Врач серьезно посмотрел на него:

— Господин Е, у вас сильнейшая реакция отторжения. Сейчас есть только два пути. Первый — экстренно извлечь плод, чтобы устранить саму причину кризиса. Второй — попытаться сохранить его. Но ваш организм не принимает синтетику. Чтобы спасти беременность, нам жизненно необходимы оригинальные феромоны вашего альфы.

Е Синлань медленно моргнул. Смысл слов доходил до него с трудом. Он сумел ухватиться лишь за последнюю фразу.

— Мой альфа... — его лицо сделалось почти прозрачным от подступившего ужаса. — Его здесь нет.

— Знаю, — подтвердил врач. — Если вы решитесь на этот вариант, мы проведем экспресс-оценку вашего психического состояния, чтобы подтвердить дееспособность. После этого мы направим экстренный запрос в государственные органы и на основании «Положения о защите беременных Бет и Омег» потребуем принудительного забора крови вашего альфы для синтеза естественного успокоительного.

Е Синлань промолчал.

В памяти всплыло: Лу Шэна арестовали. Сам он пришел к Лу Чжао, чтобы убедить того отказаться от мести, на которую парня якобы подговорил какой-то посторонний бета. Но Лу Чжао вместо этого открыл ему горькую правду: его благородный альфа расторг прежний брак лишь тогда, когда его бывшая жена скончалась.

В тот миг Е Синлань по привычке попытался найти оправдание: «Вновь эта женщина-бета вцепилась в него мертвой хваткой. Зачем мешать чужому счастью, если не можешь сделать человека счастливым?»

Но верил ли он в это сам, глубоко в душе? После того как Лу Шэн лгал ему раз за разом, обманывал без зазрения совести, превращая их жизнь в сплошной фасад?

В этой некогда безупречной броне наконец-то появилась глубокая трещина.

Да, он отчаянно цеплялся за иллюзию безоблачного счастья, не желая замечать очевидного. Но был ли он круглым дураком, напрочь лишенным рассудка?

До встречи с Лу Шэном Е Синлань сам, своими силами поступил в Федеральный объединенный университет. Пусть его баллы по специальности считались средними для вуза, среди молодежи всей Федерации он оставался элитой. Гормональные бури при беременности затуманили разум, но стоило отбросить слепую веру в сказку о предназначении — в то, что истинные партнеры притягиваются сами собой, а ложь Лу Шэна диктовалась лишь пылкой любовью, — как перед ним предстала реальность.

И трещина в его иллюзиях продолжала расти.

"Если бы та женщина не умерла так вовремя, как бы Лу Шэн сыграл свадьбу? Просто проигнорировал бы официальную регистрацию или придумал очередной трюк, чтобы пустить мне пыль в глаза?"

А может, никакого «если» и близко не было. Лу Шэн изначально знал, что его первая жена умрет точно в срок.

— Кхг...

— Повторное кровотечение! Подготовить плазму!

— Начинайте переливание.

— Есть, доктор... Реакция отторжения усиливается!

— Господин Е, — заведующий отделением строго посмотрел на пациента, — вы найдете в себе силы пройти психологический тест для оценки дееспособности?

Откуда ему знать?

И даже если он пройдет этот тест — что дальше? Собственными руками подписать приговор существующему внутри него существу?

Этому малышу, который уже всю толкался, оставляя крохотные следы ладошек на его животе?

Нет. Он не сможет произнести это страшное слово — «избавьтесь».

Но что будет, если он продолжит упорствовать?

Боль терзала тело с такой силой, что казалось, смерть уже близко. Пока чиновники рассмотрят запрос на получение крови Лу Шэна, пройдет вечность.

"Почему я должен быть меченым омегой? Почему именно на мою долю выпали эти муки?!"

"А если... если слова Лу Чжао — чистая правда? Если Лу Шэн действительно совершил все те зверства? Даже если его не казнят, он проведет за решеткой десятилетия, если не века. Он никогда не выйдет на свободу"

Как растить ребенка в таком кошмаре? Его отец — монстр, чье имя гремит на всю Федерацию по делу об убийстве жены. Какое будущее ждет отпрыска убийцы и его новой пассии? В какой грязи им обоим придется барахтаться?

Скрыться, сменить имя? Но как тогда объяснить ребенку, кто его отец и где он?

К тому же на его шее горит метка. Ему предстоит десятилетиями, веками мучиться в каждую течку, уповая на феромоны того, кто никогда больше не переступит порог его дома?

Один путь вел через кровавую бойню, другой — в беспросветную бездну.

Е Синлань окончательно запутался. Как за считанные дни его идеальный, сказочный мир превратился в руины? Почему именно его, лежащего на пороге смерти в реанимации, заставляют делать этот невыносимый выбор?

Слабеющие губы юноши наконец шевельнулись, выталкивая череду цифр.

— Это номер моей мамы... — прошептал он. — Свяжитесь с ней.

Сознание его угасло, и он снова провалился в спасительную темноту.

В операционной вновь засуетились. Тем не менее теперь у них был контакт лица, уполномоченного подписать согласие на операцию, и медлить с вызовом они не стали.

Родители Е Синланя в эти дни тоже не отрывались от новостей, следя за громким судебным процессом. Они пытались связаться с сыном, деликатно расспрашивали о зяте. Но Синлань упорно уходил от разговора, отмахиваясь дежурным «это какое-то недоразумение», и быстро прерывал связь.

Увидев входящий вызов с незнакомого номера из системы Лолайсо, супруги удивились, но трубку сняли. Слава богу, они успели: на том конце провода оказался дежурный врач, сообщивший, что их сын сейчас находится на грани жизни и смерти!

Хотя в обычной жизни чета Е нередко бывала эгоистичной, забывая о детях ради собственных драм, известие о смертельной опасности потрясло их до глубины души. Они готовы были прямо сейчас сорваться и лететь на Лолайсо.

Но когда заведующий отделением изложил им суть дела, супруги застыли в оцепенении.

Должен ли Синлань сохранить этого ребенка?

<http://bllate.org/book/18254/1951474>